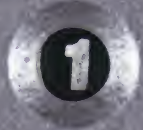
06 1990

0 5 8

ТУ–19–241–82

2

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—926

РГДЬ
2015
СЕРГЕЙ МАКЕЕВ
Я ИДУ В ДЕТСКИЙ САД
ХУДОЖНИК
В.ДРАНИШНИКОВА

Как-то вечером папа сказал: «Егорушка, ты уже взрослый, пора тебе ходить в детский сад!» — «Ура! Вот здорово!» — закричал я.

В нашем дворе уже все ребята ходили в детский сад. Только я не ходил и ещё один мальчик. Но он и вовсе ходить не умел, его пока в коляске возили.

На другой день я рассказал дедушке, что иду в детский сад. «Вот и хорошо! — сказал он. — Уж там не покапризничаешь. Заступаться будет некому. А воспитательница чуть что — сразу накажет!» И мне что-то расхотелось в этот наказательный сад!

И вот однажды мы с мамой вместе вышли из дома: я в детский сад, она — на работу. Но чем дальше мы шли, тем чаще я вспоминал дедушкины слова. И шёл всё медленнее.

Потом совсем остановился и спросил: «Мам, а может, в детский сад не надо? Давай я буду ходить с тобой на работу. Мне дадут зарплату, и мы купим трехколёсный велосипед с моторчиком».

Мама сказала, что детей не берут на работу, потому что от их шалостей все заводы и фабрики остановятся. Для маленьких работа—это ходить в детский сад, а потом в школу...

Мы пошли дальше. Но тут я почему-то заплакал. Да так громко, что прохожие начали останавливаться. «Объясни толком, почему ты не хочешь в детский сад?»—спросила мама.

Я и сказал, что там нет ни мамы, ни папы, ни дедушки, ни бабушки. А есть только строгие наказатели и больше ничего. «Так дедушка говорил»,—добавил я.

«Сейчас мы пойдём к одной моей знакомой,—сказала мама.—Ты побудешь у неё, пока мы не вернёмся с работы. Но учти, у Ирины Александровны много своих детей. Слушайся её. Согласен?»—«Конечно, согласен!»

И вот мы подошли к двухэтажному белому дому. Во дворе была детская площадка с песочницами, беседкой, качелями и каруселями.

Мы вошли. Мама отворила дверь в большую комнату. Там было много-премного ребят. Мамина знакомая кивнула нам и улыбнулась. Она играла на рояле.

А все ребята пели:

Я играю на гармошке
У прохожих на виду-у-у...

Я стал подпевать. И так запелся, что не заметил, как мама ушла.

Потом Ирина Александровна позвала нас гулять. Она спросила меня: «Ты умеешь сам одеваться?» Вообще-то я умел. Вот только шнурки на ботинках не получалось завязывать. Но все ребята сами справлялись.

И я сказал: «Умею». Я взглянул на свои шнурки. Они мне показались страшно длинными и перепутанными, как макароны. Рядом со мной возился со шнурками мальчик и громко сопел.

Кое-как я покончил с этим делом. В это время Ирина Александровна сказала: «Ребята, постройтесь парами. Пошли!» Тут мальчик, мой сосед, прошептал: «Посмотри, ты же мои шнурки со своими связал».

Я посмотрел — и правда: наши ботинки связаны шнурками. Что делать? Развязывать я тоже не умел.

Ребята уже стали выходить из раздевалки. Мы с мальчиком взялись за руки и тоже пошли. Сперва чуть не падали. Потом ничего, привыкли. Труднее всего было по лестнице спускаться.

Ирина Александровна оглянулась и спросила: «Вы что так медленно идёте?» Мы ответили, что всегда так ходим. Мальчик предложил: «Попросим, чтобы нас развязали?» — «Ещё засмеют, — сказал я. — Подумают: вот неумехи!»

Ребята решили играть в «салочки». Все закричали: «Чур не я! Чур не я!» Мы с мальчиком тоже: «Чур не мы!» Только позже всех.

К нам подошёл самый длинный мальчишка и спросил: «Кто из вас будет водить? Вы последние отчурились».—«Мы будем водить вместе»,—ответил я. «В нашем дворе так играют!»—поддержал меня привязанный мальчик.

Ребята решили, что водить вдвоём даже интереснее. Разбежались. Мы бросились вдогонку. Тут наши шнурки натянулись, и мы грохнулись.

Ирина Александровна увидела, что мы на земле валяемся, подошла к нам, улыбнулась и сказала: «Дайте-ка я помогу...» Так мы и не поняли: догадалась Ирина Александровна, что мы неумехи, или нет?

Мы пробегали во дворе до обеда. Потом нас позвали в дом. Я сам разделся и повесил пальто в свой шкафчик. Ирина Александровна велела запомнить картинку, наклеенную на дверцу. На моей дверце была морковка. Я как раз люблю морковку.

После обеда спали целый час. А потом, после чая, снова гулять пошли. Смотрю, девочки играют отдельно от мальчиков. Что-то там делают, шепчутся. Мне интересно стало. Я никогда не играл с девочками.

Вот я подошёл к двум девочкам и спросил: «Во что это вы играете? Примите меня».—«Мы играем в дочки-матери. У нас как раз дочки нет. Будешь нашей дочкой?»—«Вот ещё!—рассердился я.—Лучше я буду папой».

Девочки замахали на меня руками: «В первый раз играет, а воображает из себя! В папу играть труднее всего. А в дочку — самое простое». — «Ну, хотя бы сыночком», — упрашиваю я.

Меня усадили на скамейку. «Сейчас завяжем тебе бантики»,—сказала девочка-«мама». И давай дергать меня за волосы. «Папа» ей помогала. Только ничего у них не вышло—видно, волосы у меня слишком короткие.

Потом стали завтракать. «Родители» носили мне в формочках для песочных куличиков разную там траву и щепки. «Покушай кашку, покушай компотик»,—уговаривала «мама». «Понарошку»,—подсказывала «папа».

«Мама» сказала: «Папа, иди на работу, а по дороге отведи нашу дочку в детский сад». «Папа» взяла меня за ручку и повела к остальным играющим ребятам.

Там я попросился «на новенького» водить в пряталки.

Несколько раз ко мне подходили то «мама», то «папа» и звали к себе. Но я не поддавался. «Я ещё в детском саду. Дайте поиграть ребёнку!»

Но скоро подошла Ирина Александровна: «За тобой пришли родители. Пора домой, Егорка!» — «Вот неугомонные девчонки!» — подумал я. И попросил Ирину Александровну:

«Не отдавайте меня, пожалуйста! Они будут кормить меня травой, привязывать бантики...»

Лицо у Ирины Александровны сделалось испуганное. Она потрогала мой лоб и обернулась к калитке. Я тоже посмотрел туда.

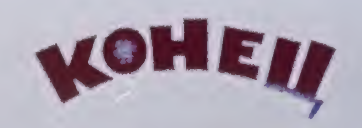
И увидел своих настоящих маму и папу!

Вечером я спросил маму: «Можно я завтра опять пойду в гости к Ирине Александровне? Я себя хорошо вёл и никому не мешал. Можно?»

Мама с папой рассмеялись. Я и сам долго смеялся, когда узнал, что был в этот день в детском саду.

Художественный редактор
В. КРАСНОВСКИЙ
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

103062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30

Д-029-85